

КНИГИ ОБ ИНСПЕКТОРЕ АЛАНЕ ГРАНТЕ

Убийца в толпе,
или Человек из очереди

•

Шиллинг на свечи

•

Дело о похищении Бетти Кейн

•

Исчезновение

•

Дочь времени

•

Поющие пески

Мисс Пим расставляет точки

•

Мистификация

ДЖОЗЕФИНА ТЭЙ

МИСС ПИМ
РАССТАВЛЯЕТ ТОЧКИ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Т 96

Josephine Tey
MISS PYM DISPOSES

Перевод с английского Жанны Грушанской

Серийное оформление Валерия Гореликова

Оформление обложки
Ильи Кучмы, Виктории Манацковой

ISBN 978-5-389-24842-7

© Ж. Я. Грушанская (наследник),
перевод, 2024
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Звонил колокол. Назойливо, требовательно, раздражающе.

Звук разносился по тихим коридорам, бесстыдно разрушая утреннюю тишину. Сквозь распахнутые, словно зевающие рты, окна, смотревшие внутрь небольшого четырехугольного двора, оглушительный трезвон выливался в безмолвие залитого солнцем сада, где трава была еще седой от росы.

Маленькая мисс Пим зашевелилась, еще в полусне приоткрыла серый глаз и, не глядя, потянулась за часами. Часов не было. Она открыла второй глаз. Кажется, не было и ночного столика. Ну конечно, теперь она вспомнила. Вчера вечером она обнаружила, что никакого ночного столика нет. Ничего не поделаешь, часы пришлось положить под подушку. Она сунула туда руку и попыталась нащупать их. Силы небесные, ну и трезвон! Отвратительно. Часов под подушкой не было. Но они должны там быть! Мисс Пим подняла подушку и обнаружила под ней только батистовый платочек с веселым бело-голубым рисунком. Она положила подушку на место и, нагнувшись, заглянула в пространство между кроватью и стеной. Да, там лежало что-то, похожее на часы. Распластавшись на животе и опустив ру-

ку, мисс Пим с трудом дотянулась до них,хватила кончиками большого и указательного пальцев и осторожно подняла. Если она теперь их уронит, придется выбираться из постели и лезть под кровать. Со вздохом облегчения она перевернулась на спину, торжествующе держа часы перед собой.

На часах было половина шестого.

Половина шестого!

У мисс Пим перехватило дыхание, и она в изумлении вытаращила глаза, не веря себе. Неужели и правда в каком-нибудь колледже — пусть даже физического воспитания — начинают день в *полшестого!* Конечно, в заведении, где не испытывают необходимости ни в ночных столиках, ни в настольных лампах, всего можно ожидать — но в полшестого! Мисс Пим поднесла часы к своему маленькому розовому ушку. Они честно тикали. Она перевела глаза на видневшийся в окне за кроватью сад. Да, действительно, еще очень рано; весь мир выглядел так, как бывает только ранним утром, — неподвижно, призрачно. Ну-ну!

Вчера вечером Генриетта, стоя в дверях комнаты мисс Пим и заполняя их своей крупной величественной фигурой, сказала: «Спокойной ночи. Студентки в восторге от твоей лекции, дорогая. Увидимся утром». Но предупредить о звонке в половине шестого ей не пришло в голову.

Ладно. Это ее не касается. Когда-то и она вела жизнь по звонкам, но это было давно. Почти двадцать лет назад. Теперь в жизни мисс Пим звонок раздавался только тогда, когда она нажимала на кнопку кончиком пальца. Когда трезвон перешел сначала в жалобное дребезжанье, а затем замер, мисс Пим

повернулась к стене и с удовольствием зарылась лицом в подушку. Это ее не касается. Роса на траве и все такое — это для юных; для великолепной сияющей юности, и пусть это у них будет. А у нее будет еще два часа сна.

Мисс Пим выглядела очень по-детски: круглое розовое личико, аккуратный носик-пуговка и каштановые волосы, уложенные по всей голове волнами, которые удерживались заколками-невидимками. Она очень устала: поездка в поезде, встреча с Генриеттой, лекция. Слабая сторона ее «я» подсказывала, что, по всей вероятности, она уедет сегодня же после ланча, а ее перманенту всего два месяца, и потому волосы на одну ночь можно было совершенно спокойно не закалывать зажимками. Однако отчасти назло слабой стороне своего «я», с которой она постоянно вела жестокую борьбу, отчасти желая оказать честь Генриетте, она вколола все четырнадцать зажимок и проследила за тем, чтобы они несли свою ночную службу. Вспоминая ум и энергию Генриетты (сегодня утром это помогало побороть всякие попытки потворствовать себе), мисс Пим изумлялась тому, как живо в ней желание быть достойной Генриетты. В школе она, маленький крольчонок-четвероклассница, до умопомрачения восхищалась шестиклассницей Генриеттой. Генриетта была прирожденной старостой. Ее талант заключался в исключительной способности следить за тем, чтобы другие проявляли свои таланты. Именно поэтому, хотя некогда Генриетта и оставила школу, предпочтя готовиться к работе секретарши, теперь она была директрисой колледжа физического воспитания — то, в чем она не смыслила абсолютно ничего. Она совершенно за-

была о Люси Пим, как и Люси Пим забыла о ней, пока мисс Пим не написала Книгу.

Так, во всяком случае, сама Люси думала о своем труде. Книга с большой буквы.

Она все еще была сама несколько удивлена Книгой. Ее миссией было учить школьниц говорить по-французски. И она занималась этим четыре года, а когда умерли сначала отец, а потом мать, оставив ей двести пятьдесят фунтов в год, Люси одной рукой стерла слезы, а другой написала заявление об отставке. Директриса, с явной завистью и не проявив никакого сочувствия, не преминула заметить, что дивиденды с двухсот пятидесяти фунтов вряд ли могут обеспечить серьезный запас прочности для цивилизованного культурного существования, которого достойны такие люди, как Люси. Но Люси все же ушла и поселилась в цивилизованной культурной квартирке, расположенной достаточно далеко от Кэмден-таун, чтобы считаться находящейся близко к Риджентс-парку¹. Необходимый для существования запас прочности она добывала, давая время от времени уроки французского языка, когда надвигалась плата по счетам за газ, а свободное время проводила, читая книги по психологии.

Первую книгу по психологии Люси прочла из любопытства, ей подумалось, что это может быть интересно. Остальные она прочла, чтобы посмотреть, все ли они такие же глупые. К тому времени, как она прочла тридцать семь книг по психологии, у нее появились об этом предмете собственные мысли, от-

---

¹ *Риджентс-парк* — аристократический район Лондона. —
Здесь и далее примеч. перев.

личающиеся, разумеется, от того, что было написано в тридцати семи прочитанных к этому моменту томах. Эти тридцать семь томов казались ей совершенной несуразицей и так раздражали ее, что она снова и снова садилась и исписывала целые стопки бумаги, опровергая изложенное в них. А так как в английском языке для большинства понятий, которыми оперирует психология, нет определений и изъясняться можно, только пользуясь специальным жаргоном, то все ее опровержения выглядели вполне научнообразно. Этим бы все и кончилось, если бы мисс Пим не воспользовалась оборотной стороной испорченного листка (она печатала на машинке не очень профессионально), чтобы написать следующее:

*Многоуважаемый мистер Сталлард,
я была бы Вам очень признательна, если бы Вы не включали радио после одиннадцати вечера. Оно мне очень мешает.*

Искренне Ваша

Люси Пим

Мистер Сталлард, с которым она не была знакома (его имя значилось на дощечке на двери этажом ниже), явился лично в тот же вечер. В руке он держал ее письмо и показался Люси очень разгневанным, так что она несколько раз сглотнула, прежде чем смогла произнести хоть какой-нибудь членораздельный звук. Но мистер Сталлард не сердился по поводу радио. Он работал в издательстве, и его обязанностью было читать присылаемые рукописи. Его заинтересовало то, что было напечатано на обороте письма Пим.

Нынче, когда бум прошел, издатель от одного предложения напечатать книгу по психологии упал бы в обморок или позвонил бы, чтобы принесли бренди. Но в прошлом году издательский мир испытал потрясение: британская публика, устав от романов, вдруг проявила интерес к сверхсложным вопросам, как, например, расстояние от Сириуса до Земли или скрытый смысл танцев аборигенов Бечуаналенда. Издатели лезли из кожи, стараясь удовлетворить эту невиданную жажду знаний, и мисс Пим приняла с распростертыми объятиями. Иначе говоря, старший компаньон издательства пригласил ее на ланч и предложил подписать договор. Это само по себе было удачей, но Провидение позаботилось не только о том, чтобы британская публика устала от романов, но чтобы еще интеллектуалы устали от Фрейда и К°. Они жаждали чего-то Нового. И этим Новым оказалась Люси. Таким образом, однажды утром она проснулась не только знаменитостью, но и автором бестселлера. Это ее так потрясло, что она вышла из дому, выпила в кафе три чашки черного кофе и всю оставшуюся часть утра просидела в парке, глядя прямо перед собой.

Ее книга оставалась бестселлером несколько месяцев, и для мисс Пим стало привычным читать лекции по «своей» теме в научных обществах. Тут вдруг пришло письмо от Генриетты. Она напоминала Люси об их совместных школьных днях и звала погостить у нее в колледже, побеседовать со студентками. Люси успела немного устать от бесед, да и образ Генриетты с годами слегка потускнел. Она уже готова была ответить вежливым отказом, как вдруг вспомнила тот день, когда четвертый класс обнару-

жил, что ее, мисс Пим, полное имя — Летиция (этот позор Люси скрывала всю свою жизнь). Четвертый класс превзошел сам себя, и Люси уже раздумывала, очень ли будет переживать ее мать, если она, Люси, покончит с собой. Потом она решила, что, коли уж на то пошло, мать сама довела ее до этого, дав Люси такое претенциозное имя. Однако тут же на насмешниц набросилась Генриетта, набросилась буквально и метафорически. Ее гневные замечания немедленно повергли насмешниц ниц. Имя «Летиция» уже никогда более не произносилось, а Люси, вместо того чтобы броситься в реку, отправилась домой, где ее ждал рулет с джемом.

Сидя в своей цивилизованной культурной гостиной, Люси вновь ощутила волны горячей благодарности, которые, как когда-то, перекачивались у нее в душе. Она ответила письмом, сообщая, что будет счастлива провести с Генриеттой вечер (врожденная предусмотрительность не была полностью стерта чувством благодарности) и с удовольствием поговорит о психологии со студентками.

Удовольствие она получила большое, подумала Люси, загораясь простыней от яркого дневного света. Пожалуй, самая милая аудитория из всех, что она видела. Ряды прелестных головок, превративших голый лекционный зал в нечто похожее на сад. И дружные сердечные аплодисменты. После вежливых хлопков, которыми ее одаривали последние несколько недель в научных обществах, приятно было слушать, как звонко ударяются друг о друга сложенные чашечкой ладони. И вопросы, которые ей задавали девушки, были весьма умными. Хотя психология значилась одним из предметов в распи-

сании, висевшем в преподавательской, мисс Пим почему-то не ожидала, что ее так хорошо поймут студентки, у которых, по-видимому, целые дни работали только мускулы. Конечно, вопросы задавали лишь немногие, так что оставалась вероятность, что остальные были недалеки.

Ну ладно, сегодня ночью она уже будет лежать в своей удобной кровати, и все это будет казаться сном. Генриетта уговаривала ее остаться на несколько дней, и мисс Пим уже было поддалась на ее уговоры; но ужин ее сразил. Бобы и молочный пудинг показали ей не слишком вдохновляющей едой для летнего вечера. Очень укрепляюще, очень питательно, и все такое, — она в этом не сомневалась. Но это меню вряд ли захочется повторить. Генриетта сказала, что преподаватели в колледже питаются так же, как студентки, и Люси надеялась, что сомнение, с которым она глядела на бобы, не было замечено. Люси старалась смотреть на них с веселым и довольным видом, но, может быть, ей это не удалось...

— Томми! Том-ми-и! О Томми, дорогая, проснись! Я в отчаянии!

Сон мгновенно слетел с мисс Пим. Казалось, что отчаянные вопли раздаются у нее в комнате. Потом она сообразила, что второе окно выходит во двор, двор этот маленький, и разговор между обитательницами комнат через распахнутые настежь окна — естественный способ связи. Мисс Пим полежала, стараясь успокоить колотящееся сердце, глядя поверх складок простыни на то место, где за бугорком, скрывавшим большие пальцы ее ног, виднелся в ракурсе кусок дальней стены. Однако кровать стояла в углу комнаты, окно справа находилось за изго-

ловьем, другое, слева, выходявшее во двор, — в изножье, и со своей подушки мисс Пим могла видеть в тонкой вертикальной полоске света только половину открытого окна в стене по ту сторону двора.

— Томми! Том-ми-и!

Темноволосая голова появилась в окне, которое было видно мисс Пим.

— Послушайте, кто-нибудь, — произнесла голова, — бросьте чем-нибудь в Томас, и пусть Дэйкерс прекратит кричать.

— О Грингэйдж¹, душенька, ты просто черствое животное! У меня лопнула подвязка, и я не знаю, что мне делать. А Томми вчера взяла мою *единственную* булавку, чтобы открывать моллюсков-береговичков на вечеринке «Два с половиной пенса». Она просто обязательно *должна* отдать мне ее, прежде чем... Томми! Том-ми-и!

— Эй, заткнитесь-ка, — приглушенно произнес еще один голос, и наступила пауза. Пауза — почувствовала Люси, — заполненная языком жестов.

— И что должна означать вся эта жестикуляция? — спросила темная головка.

— Замолчи, говорю. — Это отчаянным *sotto voce*². — Она там!

— Кто?

— Эта Пим.

— Что за чепуха, душенька. — Это был снова голос Дэйкерс, высокий, звонкий, счастливый голос всеобщей любимицы. — Она спит в передней части дома, там, где и остальные сильные мира сего. А как

---

¹ Greengage (*англ.*) — Грингэйдж — слива-ренклод.

² Вполголоса, приглушенно (*ит.*).

ты думаешь, у нее может найтись лишняя булавка, если я попрошу?

— По-моему, она предпочитает молнии, — вмешался еще один голос.

— Ох, да тише вы! Говорю вам, она в комнате Бентли!

На сей раз наступило настоящее молчание. Люси увидела, как темная головка резко повернулась к ее окну.

— Откуда ты знаешь? — спросил кто-то.

— Джолли¹ сказала мне вчера вечером, когда раздавала ужин.

Мисс Джолифф — это экономка, вспомнила Люси и оценила прозвище, данное этой мрачной представительнице рода человеческого.

— И правда, господи! — произнес с чувством голос, говоривший про молнии.

Тишину разорвал звон колокола. Такой же настойчивый, как и тот, что разбудил их. Темная головка исчезла при первых же звуках, и сквозь шум и звон можно было расслышать только голос Дэйкерс, исполненный жалобного отчаяния. Деловые заботы дня смели допущенные светские оплошности и низвели до их истинной значимости, крайне мелкой. Вал звуков поднялся навстречу звону колокола. Захлопали двери, затопали по коридору ноги, всюду раздавались громкие голоса, кто-то вспомнил, что Томас все еще спит, и, после того как брошенные из ближайших окон предметы не смогли ее разбудить, по ее запертой двери была выбита барабанная дробь. А потом послышался шум ног, бегущих

---

¹ Jolly (англ.) — джолли — веселый, радостный.

по усыпанной гравием дорожке, которая пересекала поросший травой двор. И вот все больше ног бежит по гравию и все меньше по ступеням, журчание голосов нарастает, достигает кульминации и постепенно утихает. Когда шум почти замер в отдалении, по гравию протопала одинокая пара ног, а голос на бегу повторял с каждым шагом: «Черт, черт, черт, черт, черт». Очевидно, Томас, которая любит поспать.

Мисс Пим всей душой посочувствовала неизвестной Томас. Кровать — это чудесное место в любое время суток, но если человек от природы такой соня, что ни дикий трезвон колокола, ни визг соучениц не производят на него никакого впечатления, значит вставание для него — пытка. Наверное, Томас валлийка. Все Томасы валлийцы. Кельги терпеть не могут рано подыматься. Бедная Томас. Бедная, бедная Томас. Люси захотелось найти для бедной Томас такую работу, где можно было бы спать до полудня.

Волны сна накатили на мисс Пим, и она стала погружаться в них глубже и глубже. Интересно, подумала она, «отдает предпочтение молниям» — это комплимент? Наверное; вряд ли станут восхищаться приверженностью к булавкам, так что может быть...

Она заснула.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Два казака шести футов роста били ее кнутами за то, что она упорствовала, желая пользоваться старомодными булавками, тогда как прогресс предписывал молнии. Кровь уже текла у нее по спине, но тут она проснулась и обнаружила, что единственное, что подвергается насилию, — это ее слух. Снова гремел колокол. Люси пробормотала нечто нецивилизованное и некультурное и села. Нет, определенно, ни на минуту после ланча она не останется. В два сорок одну есть поезд из Ларборо, и именно в два сорок одну она и уедет. Прощальные слова сказаны, долг дружбе отдан. Душа мисс Пим наполнилась радостным предвкушением бегства. На платформе она купит полуфунтовую коробку шоколада в знак избавления. Потом, в конце недели, это отразится на шкале весов в ванной комнате, но не все ли равно?

Мысль о весах напомнила мисс Пим о цивилизованной и культурной потребности принять ванну. Генриетта извинилась, что до ваннных комнат преподавателей так далеко; заодно она извинилась, что помещает гостью в студенческий блок, но к фрекен Густавсен приехала из Швеции мать и заняла единственную преподавательскую комнату для гостей; она собиралась оставаться в Лейсе еще несколько

недель, пока не увидит и не сможет оценить результаты работы своей дочери на ежегодных показательных выступлениях, которые состоятся в начале следующего месяца. Люси сомневалась, что при ее способности ориентироваться на местности — весьма слабой, по мнению друзей, — она сможет отыскать эту ванную комнату. А бродить, крадучись, по широким пустым коридорам, да еще нечаянно попадать (все может быть) в учебные аудитории — это ужасно. И еще ужаснее блуждать в коридорах, переполненных девушками, поднявшимися на заре, и искать место, где можно осуществить свое запоздалое омовение.

Мысль Люси всегда работала именно так. Ей недостаточно было представить себе одну сторону ужасного обстоятельства, обязательно нужно было вообразить и противоположную тоже. Люси так долго сидела, обдумывая соперничающие между собой аспекты ужасных обстоятельств и наслаждаясь ничегонеделанием, что колокол успел зазвонить еще раз, еще одна волна топчущих ног и кричащих голосов накатила — и омыла тишину утра. Люси поглядела на часы. Было половина восьмого.

Она уже решила было вести себя нецивилизованно и некультурно и «ходить грязнулей», как называла это ее приходящая прислуга; в конце концов, что такое это погружение в воду, как не современная причуда, и если Карл Второй допускал, чтобы от него не очень хорошо пахло, то кто она такая, она, простолюдинка, чтобы скрипеть зубами оттого, что не приняла ванну? Но тут раздался стук в дверь. Спасение явилось. О радость, о счастье, ее дурацкому положению пришел конец.

— Войдите, — откликнулась она радостно, как Робинзон Крузо, приветствующий высаживающуюся на остров компанию.

Конечно, Генриетта пришла пожелать Люси доброго утра. Как глупо было с ее стороны не подумать об этом. В душе она все еще оставалась зайчиком, который не ожидал, что Генриетта вспомнит и побеспокоится о нем. Право, ей, Люси, нужно культивировать в себе образ мышления, более подходящий знаменитости. Может быть, если она будет причисляться по-другому или повторять двадцать раз на дню по системе Куэ...

— Войдите!

Но это была не Генриетта. Это была богиня.

Богиня с золотыми волосами, в ярко-голубой льняной тунике, с синими, как море, глазами и парой дивных, достойных самой сильной зависти ног. Люси всегда обращала внимание на ноги других женщин, потому что ее собственные были для нее источником горькой досады.

— О, простите, — проговорила богиня. — Я забыла, что вы, может быть, еще не встали. Мы здесь поднимаемся ужасно рано.

Люси подумала, что со стороны этого небесного создания было очень мило принять на себя вину за ее, Люси, лень.

— Прошу прощения, что помешала вам одеваться.

Взгляд синих глаз остановился на домашних туфлях без задников, которые стояли посреди комнаты, и так и замер в восхищении. Это были голубые шелковые туфельки, очень женственные, свидетельствующие об изрядной расточительности, очень воздушные. Совершенно неотразимая безделица.

— Боюсь, они выглядят глупо, — сказала Люси.

— Если бы вы только знали, мисс Пим, что это значит — увидеть предмет, который не является строго утилитарным!

А потом добавила, как будто сама попытка отстраниться от дела возвращала ее к нему:

— Моя фамилия Нэш. Я староста Старших. Я пришла сказать, что Старшие почтут за большую честь, если вы завтра придете к нам на чашку чая. По воскресеньям мы пьем чай в саду. Это привилегия Старших. Там очень приятно, особенно в летний день, и мы действительно будем очень ждать вас. — И она с искренней благожелательностью улыбнулась мисс Пим.

Люси объяснила, что завтра ее здесь не будет, что она уезжает сегодня после полудня.

— О нет! — запротестовала девушка, и неподдельное чувство, прозвучавшее в ее голосе, вызвало у Люси прилив радости. — Нет, мисс Пим, не уезжайте! Вы даже не представляете, какое вы для нас неожиданное счастье. Так редко приезжает кто-нибудь — кто-нибудь интересный. Здесь очень похоже на монастырь. Нам всем приходится так много работать, и у нас не остается времени думать о внешнем мире, и это последний семестр для нас — Старших, и все так мрачно, и все так замкнуты на самих себя: выпускные экзамены, и показательные выступления, и какие найдутся места для работы, и все такое, — мы все до смерти устали и уже не понимаем, что хорошо, а что плохо. И тут приезжаете вы — посланец внешнего мира, цивилизованное существо. — Полусмеясь-полусерьезно она прервала свой монолог. — *Вы не можете* нас покинуть.

Тэй Дж.

Т 96 Мисс Пим расставляет точки : роман / Джозефина Тэй ; пер. с англ. Ж. Грушанской. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 320 с. — (Звезды классического детектива).

ISBN 978-5-389-24842-7

Джозефина Тэй (настоящее имя — Элизабет Макинтош; 1896–1952) — знаменитая писательница, дочь шотландца и англичанки, признанный мастер британского детектива.

Роман «Мисс Пим расставляет точки» (1946) погружает нас в закрытый мир английского колледжа физического воспитания.

Приглашенной туда мисс Пим, автору бестселлера на тему психологии, выпал шанс на примере из жизни исследовать темную сторону человека. Кому из юных студенток легко переступить запретную грань, а кто никогда не сделает этого? Тэй проводит своих героинь через неоднозначные ситуации, им приходится разбираться как в обстоятельствах происшествия, так и в собственной душе.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

ДЖОЗЕФИНА ТЭЙ

МИСС ПИМ РАССТАВЛЯЕТ ТОЧКИ

Ответственный редактор Елена Адаменко
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Людмила Дубовая, Александр Киселев

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 10.01.2024.
Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 14,1. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19, E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19, E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге, 191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А, Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ филиалы, 191123, Санкт-Петербург, Воскресенская жағалауы, 12-үй, А лит., Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: (49638) 20-685

A-MCD-33826-01-R